

Орест Сомов

Сказка о медведе костоломе и об Иване, купецком сыне

Сомов Орест
Сказка о медведе костоломе
и об Иване, купецком сыне

Орест Михайлович Сомов

Сказка о медведе костоломе и об Иване, купецком сыне

Посвящается баронессе С. М. Дельвиг

В старые годы, в молодые дни, не за нашею памятью, а при наших дедах да прапрадедах жил-был в дремучих лесах во муромских страшный медведь, а звали его Костолом. Такой он страх задал люду православному, что ни душа человеческая, бывало, не поедет в лес за дровами, а молодые молодки и малые дети издавным-давно отвыкли туда ходить по грибы аль по малину. Нападет, бывало, супостат-медведь на лошадь ли, на корову ли, на прохожего ли оплошального - и давай ломить тяжелою своею лапою по бокам да в голову, инда гул идет по лесу и по всем околоткам; череп свернет, мозг выест, кровь выпьет, а белые кости огложет, истроцит да и в кучку сложит: от-того и прозвали его Костоломом. Добрые люди ума не могли приложить, что это было за диво. Иные говорили: это-де божье попущение, другие смекали, что то был колдун-оборотень, третьи, что леший прикинулся медведем, а четвертые, что это сам лу-

кавый в медвежьей шкуре. Как бы то ни было, только хоть никто из живых не видал его, а все были той веры, что когда Костолом по лесу идет то с лесом равен, а в траве ползет - с травою равен. Горевали бедные крестьяне по соседним селам; туго им приходилось: ни самим нельзя стало выезжать в поле на работы, страха ради медвежьего, ни стада выгонять на пастьбу. Сильных могучих богатырей, Ильи Муромца да Добрыни Никитича, не было уже тогда на белом свете, и косточки их давно уже сотлели; а мечи их кладенцы, сбруи ратные и копья булатные позаржавели: так избавить крестьян от беды и очистить муромский лес от медведя Костолома было некому. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Прошло неведомо сколько времени, а медведь Костолом все по-прежнему буянил в лесу муромском. Вот забрел в одно ближнее к лесу селение высокий и дюжий парень, статен, бел, румян, белокур, лицо полно и пригоже, словно красное солнышко. Все девицы и молодницы на него загляделися, а молодые парни от зависти кусали себе губы. За плечами у при-хожего была большая связка с

товарами, а в руках тяжелый железный аршин, которым он, от скуки, помахивал, как павлинным перышком. "Здравствуй, добрый молодец,- повел с ним речь Вавила, сельский староста,издалека ли идешь, куда путь держишь?" - "Не больно издалека, дядя: города я Коврова, села Хворостова, прихода Рождества Христова; а путь держу к Макарьеву на ярманку".- "А с какими товарами, не во гнев тебе будь сказано?" - "Да с разными крестьянскими потребами и бабьими затеями: ино платки да кумачи, ино серьги да перстеньки".- "А как величать тебя, торговый гость?" - "Зовут меня: Иван, купецкий сын".- "И ты не боишься один ходить по белу свету с товарами?" - "Чего бояться, дядя? на дикого зверя есть у меня вот этот аршин, а с лихим человеком я и просто своими руками справлюсь".-"Зверь зверю не чета, удалый молодец. Вот, недалеко сказать, и у нас завелась экая причина в муромском лесу: медведь Костолом дерет у нас и людей, и всякий крупный и мелкий скот".- "Подавайте мне его! - вскрикнул Иван, купецкий сын, засуча рукава красной александрийской своей рубашки.- Я с

ним слажу, будь хоть он семи пядей во лбу. Давно уже слышу я слухи про этого медведя, а хотел бы видеть от него виды. Меня сильно берет охота с ним переведаться... Что же вы распустили горло, зубоскалы? - примолвил он с сердцем, оборотясь к молодым парням, которые смеялись до пологу, потому что сочли его за хвастуна.- Ну вот отведайте-ка сил со мною: не поодиночке, такого из вас, вижу, не сыщется, а ухватитесь сколько можете больше за обе мои руки". Вот и налегли ему на каждую руку по четыре человека, и держались изо всех сил. Иван, купецкий сын, встряхнулся - и все попадали как угорелые мухи. "Это вам еще цветики, а вот будут и ягодки,- сказал Иван, купецкий сын,- кто из вас хочет померяться моим аршином? Возьмите". Только кто ни брался за аршин, не мог и приподнять его обеими руками. "И не диво,-проговорил Иван, купецкий сын, - в нем двенадцать пуд счетных. Теперь смотрите же".- Он взял аршин в правую руку, размахнул им, инда по воздуху зажужжало, и бросил вверх так, что аршин из глаз ушел, а после с свистом полетел вниз и впился в землю на

полсажени. Иван, купецкий сын, подошел к тому месту, выхватил аршин из земли как морковку и, поглядев на насмешников таким взглядом, что у каждого из них во рту пересохло, молвил: "Смейтесь же, удальцы! или вы только языком горы ворочаете?.. Ну, смелее, дайте окрик на самохвала". - "Молодец! силач!> - крикнули в один голос и старый, и малый. Староста Вавила повел Ивана, купецкого сына, в свой дом, истопил баню для дорогого гостя, накормил его, напоил и спать уложил. Вот на другой день, еще черти в кулачки не бились, Иван, купецкий сын, встал, умылся, богу помолился и, оставя связку с товарами в доме у старосты, взял только свой аршин и пошел к лесу. Близко ли, далеко ли, долго ли, коротко ли ходил он - мы не станем переливать из пустого в порожнее: скажем только, что все крестьяне не пошли в тот день на работу, а сошлись на площади перед церковью, молились богу за Ивана и за то, чтоб он одолел медведя Костолома, и забыли о еде и питье. Щи выкипели в горшках у баб, каша перепарилась, и хлебы в печи пригорели, а никто и не думал идти обедать. Ждать-

пождать - Ивана нет как нет! Вот и солнышко пошло на закат; все крестьяне, осмелясь, вышли из деревни, стали около огородов и не сводя глаз смотрели к лесу; жалели о купецком сыне, думали, что он на беду свою расхрабрился; а красные девушки и вздыхали тайком в кумачные рукава свои не ведаю, об Иване или о медвежьей шкуре: не время было тогда выпытывать. Вдруг послышался из лесу такой страшный рев, что у всех от него головы пошли ходенем. Смотрят - из лесу бежит большой-пребольшой черный медведь, а на нем сидит верхом Иван, купецкий сын, держит медведя руками за уши и толкает подбока каблуками, которые подбиты были тяжелыми железными подковами; аршин Иванов висит у него за поясом и от медвежьей рыси болтается да тоже постукивает по медведю. Спустя малое время медведь с седоком своим прибежал прямо к деревне и упал замертво у самого того места, где собрались крестьяне. Иван, купецкий сын, успел соскочить вовремя, схватил свой аршин и единым махом раскрыл череп медведю. "Вот вам, добрые люди, живите да радуйтесь,- молвил ку-

пецкий сын крестьянам,- видите ли, у вашего Костолома теперь и у самого кости перелома-ны". После того зашел он к старосте, выпил чару другую зелена вина, наелся чем бог послал, сказал спасибо хозяину и, вскинув связку за плеча, пожелал всему сельскому миру всего доброго. "Чем же мы тебе поплатимся за твою службу?" - спрашивали крестьяне. "Добрым словом да вашими молитвами",- отвечал Иван, купецкий сын. "А шкура-то медвежья? ведь она твоя!" - взговорили ему крестьяне. "Пусть она при вас останется: берегите ее у себя в деревне да вспоминайте про Ивана, купецкого сына!" За сим поклон - и был таков. Крестьяне пировали три дня и три ночи по уходе Ивана, купецкого сына, на радостях о своей избаве от медведя Костолома. И я там был, мед-пиво пил: по усам текло, а в рот не попало... А к этой сказке вместо присловья любезной нашей имениннице желаю доброго здоровья: дай ей бог жить да поживать, худо не знать, а добро наживать да пиры пировать!